

О нуклеаризации Ближнего Востока в свете международной и региональной безопасности

Одной из крупнейших угроз международной безопасности в двадцать первом веке является распространение ядерного оружия, проблема, которая при всем своем глобальном уровне важности, имеет четкую тенденцию к регионализации. Одним из наиболее опасных с точки зрения ядерного распространения сегодня является регион Ближнего Востока, где процесс выработки средств противодействия нуклеаризации государств находится в центре внимания всего международного сообщества. Именно на Ближнем Востоке развивается сценарий, которого многие политики и руководители государств опасались в течение десятилетий, а политологи и аналитики прогнозировали его неминуемую интенсификацию. Вполне возможно, что в скором времени этот взрывоопасный регион пополнится новыми ядерными игроками. И речь не идет об одном лишь Иране с его знаменитым атомным проектом.

Речь идет о сфере ядерной энергетики, которую несложно перевести, в случае необходимости, на военные рельсы. Уже сегодня, к примеру, Саудовская Аравия потребляет для внутренних нужд около четверти добываемой ею нефти. Если в течение двадцати ближайших лет эта страна не диверсифицирует источники электроэнергии, она сама превратится в импортера топлива. Кроме того Эр-Рияд, испытывая страх перед Ираном, считает необходимым сформировать соответствующую инфраструктуру, которую можно будет использовать не только в мирных целях. Кроме того, Саудовская Аравия не согласна с американскими условиями поставки реакторов для атомных электростанций. Вашингтон требует отказа саудовцев от обогащения урана собственными силами. Это условие, считающееся важным для предотвращения распространения ядерного оружия, вынужденно приняли Египет и ОАЭ, являющиеся союзниками США в регионе.

После подписания договора с Тегераном в 2015 г., позволяющего ему обогащать уран, США трудно требовать от Саудовской Аравии соблюдения подобных условий. США также опасаются, что саудовцы полностью откажутся от американских услуг и приобретут реакторы для атомных станций у стран, которые не столь настойчивы в своих требованиях. Например, у России или Китая. Более того, Эр-Рияд фактически мгновенно может обзавестись ядерным оружием, с учетом финансирования им ядерной программы Пакистана, являясь, к тому же, негласным «совладельцем» его арсенала. Поэтому Вашингтон, не желая терять выгодного клиента, взвешивает смягчение условий поставки реакторов Эр-Рияду. Это может привести к тому, что такого рода условия откажутся выполнять и другие арабские государства, – Египет и Объединенные Арабские Эмираты. Результатом этого, может стать ускорение ядерной гонки на Ближнем Востоке.

Не следует забывать и об укрепляющемся российском факторе на Ближнем Востоке. Москва стремится усилить свое влияние в регионе, в том числе, путем поставок оружия в Египет и страны Персидского залива. Недавно Саудовская Аравия подписала с Москвой договор о сотрудничестве в области ядерных исследований, а в декабре 2017 г., была достигнута договоренность о поставках в Саудовскую Аравию противоракетных комплексов С-400. На египетском направлении, Россия также укрепляет свое влияние. Так, в декабре минувшего года между Каиром и Москвой был подписан договор о строительстве четырех атомных реакторов до 2028 г. При этом, Россия не только будет финансировать их создание, но и займется возведением необходимой инфраструктуры, в том числе, построит в Египет предприятие по сборке необходимого оборудования.

Более того, говоря о ядерном потенциале АРЕ, стоит отметить, что Египет, например, еще в 1997 г. ввел в эксплуатацию исследовательский реактор, мощностью в 22 МВт. Реактор, поставленный Аргентиной, функционирует на легкой воде и производит радиоизотопы для медицинской,

сельскохозяйственной и промышленной отраслей. Помимо этого, Египет обладает предприятием по производству топливных элементов для реактора, а также некоторыми другими мощностями по исследованию выделения плутония. Разумеется, данной инфраструктуры совершенно не достаточно для создания военной ядерной программы. В то же время, исследователи отмечают, что Египет на сегодняшний день окончательно не исключает для себя такой возможности. Страна обладает достаточным уровнем научной мысли и технологических возможностей, а также готовностью в случае необходимости пойти на многие жертвы во имя своего выбора.

Кроме египетско-саудовского пакета договоренностей в области атомной энергетики, российский «ближневосточный вектор» наращивает свои обороты и в других странах региона. В 2016 г. Россия продала два атомных реактора Иордании, за которые Амман будет расплачиваться постепенно – до 2025 г., а в ОАЭ в 2018 г., начнет действовать первый из четырех атомных реакторов, поставляемых Южной Кореей.

С учетом агрессивной политики Запада и в первую очередь США, многие государства региона постепенно пересматривают свои национальные программы в области атомной энергетики, что ведет к нуклеаризации региона и активизации процессов потенциально-угрожающих Израилю – основному «духовному» союзнику США на Ближнем Востоке. Иными словами, вокруг Тель-Авива постепенно формируется кольцо региональных игроков, которые будут обладать ядерным потенциалом. Конечно, речь не идет о немедленной опасности. Это постепенные процессы, которые могут привести к полному крушению относительной региональной стабильности, сформировавшейся после подписания договора с Ираном. Подобный сценарий ставит Израиль перед сложной дилеммой. Речь идет о государствах, с которыми существуют формальный мир либо негласные стратегические отношения, и которые также являются союзниками США. Израилю в свою очередь нечего противопоставить этой опасности, что, по сути, ведет к завершению докторины Менахема Бегина, в соответствии

с которой Израиль должен действовать военными методами, чтобы снять потенциальную ядерную угрозу со стороны арабских государств. При этом не стоит забывать и о том, что именно Израиль стал первым государством Ближнего Востока, заполучившим ядерное оружие, который, впрочем, вместо открытой демонстрации своего ядерного потенциала, проводит политику «ядерной двусмысленности». Израиль является шестым по счету ядерным государством и первым и единственным на Ближнем Востоке. Его ядерная программа была инициирована во второй половине 1950-х гг., накануне так называемой «шестидневной войны». И в 1967 г. Израиль получил свой первый ядерный боезаряд. Однако вплоть до сегодняшнего дня Израиль не раскрыл своего ядерного статуса.

Таким образом, указанные тенденции, есть ни что иное как очередное напоминание о том, что небольшие размеры «ядерного клуба» – это не результат технологических ограничений. Это результат политической сделки, сделавшей возможной относительно эффективное существование договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) на протяжении почти полувека, при этом США все последние годы делали все, чтобы ее разрушить. Начиная с 1991 г., ни один американский президент не обошелся без масштабного применения силы и, начиная с 1998 г., речь шла почти исключительно о неспровоцированной агрессии. В то же время уже «Буря в пустыне» показала, что американцы способны быстро и с ничтожными потерями уничтожить крупную и хорошо оснащённую армию с внушительным боевым опытом. Американцы слишком долго и наглядно показывали мировому сообществу, что эффективной защитой от очередного озарения в Вашингтоне является ядерное сдерживание, чтобы мир во многом вернулся к ситуации, существовавшей до подписания ДНЯО.

Как представляется, у этой проблемы нет эффективного военного решения ценой, которую мир готов был бы заплатить. Ее решение лежит исключительно в дипломатической плоскости.